

Обычно безмятежное лицо Инь Яньцзюня хранило тень рассеянности, пока он смотрел на лепесток цветка, испачканный тушью.

— Господин, прибыл второй молодой мастер, — доложил Вэнь Цзин, входя в маленький внутренний двор.

Инь Яньцзюнь отложил кисть и спокойно сказал:

— Пусть войдёт.

Вэнь Цзин кивнул и обернулся, быстро проведя в комнату молодого господина. Юноша с уважением поклонился Инь Яньцзюню:

— Господин, я слышал, что некоторое время назад на вас напали в даосском храме?

Инь Яньцзюнь сохранял равнодушное молчание. Он протянул руку с выразительными тонкими суставами, взял со стола чайную чашку, налил себе полчашки чаю, а затем налил ещё одну — для юноши:

— Садись. Не торопись, рассказывай.

На лице Инь Юаньчэна появилась лёгкая юношеская улыбка. Он сел рядом с Инь Яньцзюнем:

— Услышав о нападении, я хотел немедленно приехать, господин, но Юаньшуан, эта девчонка, немного задержала меня.

— Пара мелких воришек, — Инь Яньцзюнь опустил глаза, отпивая чай, и невольно обнажил поблекший шрам на шее.

— Господин, у вас ранена шея? — удивлённо воскликнул Инь Юаньчэн. Он знал, на что способен его господин, но увиденный шрам был слишком настоящим, и это смутило его настолько, что он даже не разглядел его как следует.

Инь Яньцзюнь сидел прямо, сдержанно и благородно, в своей обычной холодной и почти неземной манере. Но в тот момент, когда Инь Юаньчэн задал свой вопрос, в его облике промелькнула едва заметная неловкость. Он лишь спросил:

— В столице за последнее время что-то произошло?

— Нет, ничего особенного, — покачал головой Инь Юаньчэн, взгляд его всё ещё невольно возвращался к шее Инь Яньцзюня.

— Этот двор числится на твоё имя, верно? — Солнце светило ярко, и лёгкий ветер подхватил несколько розовых и белых лепестков персика, уронив их на волосы Инь Яньцзюня. Он поднял взгляд на отделённый стеной соседний двор.

— Да, так и есть, — кивнул Инь Юаньчэн. Он вспомнил, что изначально хотел купить это уединённое живописное место в подарок своему господину, но кто-то вмешался в последний момент. Ему удалось приобрести только этот двор, а соседний забрал другой человек.

Инь Яньцзюнь едва заметно кивнул. Казалось, он хотел что-то спросить, но на этом их разговор и закончился.

—

Сюй Яньцин, наконец, вышел из своей комнаты после семи дней беспробудного сна — дерзкий Му Ю с боем вытащил его на солнце.

Му Ю был уверен, что его юный господин убивается по кузене, и потому превратился из любителя прогулок в затворника, спящего сутками напролёт.

Ради здоровья господина он храбро вытащил одержимого сном Сюй Яньцина из постели.

Последние несколько дней Су Ханьфэн, скорее всего, тайно расследовал личность того, кто провёл с Сюй Яньцином ту весеннюю ночь, так что ему было явно не до него. А Сюй Яньцин, наоборот, радовался тишине и покою.

Вытащенный Му Ю из постели, Сюй Яньцин попросту обнял своё мягкое одеяло и вышел во двор, улёгся в шезлонг и устроился загорать.

Хотя на дворе уже стояла ранняя весна, для лёгкой одежды было ещё прохладно. К тому же тело Сюй Яньцина теперь стало особенно чувствительным к холоду, так что одеяло было весьма кстати.

— Этот двор пустой, и с прежним не сравнится. Наверное, в том дворе персики уже зацвели. Ты ведь особенно любил персиковое вино, которое варил повар, — сказал Му Ю, подвинув табурет и сев рядом с Сюй Яньцином, подперев подбородок руками.

Сюй Яньцин покачивался в шезлонге, довольный, как кот. Услышав о персиковом вине, слегка оживился. Помимо еды, только выпивка могла заинтересовать засолённую рыбу.

Будучи несовершеннолетним, он раньше вообще не пил — в прошлой жизни был образцовым учеником, думающим лишь об учёбе и экзаменах. Он даже не знал, каков на вкус фруктовый эль. А в новом теле неожиданно проявился интерес к алкоголю.

— Попроси кого-нибудь перегородить дверь между дворами, только без шума, чтобы не потревожить соседа, — лениво прищурился Сюй Яньцин. Размягчённое сном тело ощущалось до предела расслабленным. Он рассудил: если бы тот человек по-настоящему был в ярости и стыде, он бы давно явился к нему. Раз не пришёл — значит, и не собирался требовать с него ответа.

Подумав так, Сюй Яньцин поднял руку и потер затылок. Они оба мужчины, не стоит придавать значения, кто за что отвечает. Персиковое вино было куда важнее. В худшем случае он просто останется дома и никуда не будет выходить — тогда уж точно никого не спровоцирует.

Ради глотка вина Сюй Яньцин решительно решил: пустяки.

Пока он так размышлял, его рука, лежащая на затылке, привычно почесала участок кожи, где сохранялось странное ощущение жара.

Уже несколько дней эта область на шее будто зудела и опухла, кожа там ощущалась горячей на ощупь и не улучшалась даже от мазей.

Сначала припухлость сопровождалась зудящей болью, как при аллергии — он едва не расчесал себе шею до крови. Видя это, Му Ю специально позвал врача, но тот так ничего и не диагностировал, оставив лишь тубик мази.

Позже, то ли благодаря мази, то ли само собой, зуд и боль стали утихать. Но чувство

покалывания, припухлости и жара так и не исчезло.

Сюй Яньцин счёл мазь слишком хлопотной и просто перестал ею пользоваться. Однако вот уже два дня ему упорно снилось то, что произошло той ночью. Лучезарный, неземной даос держал его запястья в крепкой хватке...

То, что поначалу было болезненными кошмарами, со временем стало приобретать всё более... непристойный характер. Каждое утро Сюй Яньцин просыпался с румянцем на лице, стесняясь даже самому себе признаться.

Он уже решил, что тот человек — явно не тот, с кем можно шутить. Но каждую ночь ему продолжали сниться развратные сны с участием этого даоса. Это было вопиюще непристойно и до безумия грешно.

После недолгой сессии самобичевания Сюй Яньцин принялся за рисовую кашу. Видимо, и прежний хозяин тела был обжорой. Хоть персикового вина в этом дворе и не было, повар здесь был отменный.

Сюй Яньцин уже несколько дней как подсел на кашу, особенно на кашу из тремеллы с куриной соломкой — фирменное блюдо повара. Он чувствовал, что с лёгкостью мог бы съедать по две большие миски в день.

— Му Ю говорит, ты в последнее время только и делаешь, что ешь да спишь. Разве не боишься наесть себе живот, да ещё с утра пораньше? — Сюй Сянчжи, несмотря на изысканное имя, был прямолинейным воином, плохо владеющим словом. Он всегда души не чаял в младшем брате — прежнем хозяине тела, но тот, не ценя своей участи, ещё и жаловался, что брат лезет не в своё дело.

Му Ю, стоявший рядом, выглядел чрезвычайно расстроенным. Он всего лишь зашёл передать письма в поместье и вскользь упомянул, что его юный господин в последнее время страдает от весенней хандры, хоть аппетит у него и улучшился. Кто бы мог подумать, что у князя такой талант к преувеличению.

— Брат, хочешь каши? — послушно моргнул Сюй Яньцин.

Сюй Сянчжи отмахнулся, покачав головой. Однако спустя мгновение всё-таки сел рядом с любимым братом и с аппетитом принялся жевать большую лепёшку с мясом:

— Лепёшка с мясом — это заряд энергии на весь день!

Тёмные, ясные глаза Сюй Яньцина слегка изогнулись от улыбки:

— Брат, ты что, дома не наелся?

Сегодня его любимый брат вёл себя послушнее обычного, и это наполняло Сюй Сянчжи радостью. Он отхлебнул каши и пожаловался:

— Пока тебя не было, отцовская любовь и забота, не находя выхода, обрушилась на меня. Он вдруг вознамерился проверить мои успехи в учёбе. Как тут есть? Я только нашёл предлог, чтобы прийти к тебе — и вот, сбежал от отца.

Маркиз Уань раньше был военным генералом, некогда непобедимым полководцем на поле боя. Позже, за заслуги при спасении императора, был возведён в титул маркиза Уаня.

Из-за того ранения маркиз больше не мог возвращаться на передовую и был вынужден оставаться в столице на лечении. Прошло уже более десяти лет, и за это время у него выработалась дурная привычка — хвастаться своим литературным даром.

Именно благодаря литературному таланту Су Ханьфэна он и снискал расположение маркиза Уаня. В противном случае, учитывая, насколько дальним родственником он приходился жене маркиза, как бы он мог так свободно бывать в поместье?

— Говорят, ты в прошлый раз холодно высмеял Су Ханьфэна и сильно его разозлил? — Сюй Сянчжи узнал это не от Му Ю; у него имелись собственные каналы.

Сюй Яньцин, наконец, медленно доел кашу, лениво откинулся на спинку кресла и, даже не подняв взгляда, ответил:

— Брат, можешь не ходить вокруг да около. Хочешь что-то спросить — просто спроси.

Слуги быстро и ловко убрали со стола. В это время во дворе подул лёгкий ветерок, и с ветвей nearby дерева слетели нежные почки, одна из которых опустилась на плечо Сюй Яньцина. Сюй Сянчжи без всякого усилия стряхнул её.

Младший брат сейчас выглядел на удивление послушным и покладистым — прямо глаз радовал. Сюй Сянчжи не удержался:

— Раньше ты заботился о Су Ханьфэне даже больше, чем обо мне. Что же он такого сделал, что ты теперь на него злишься?

Хотя Сюй Сянчжи и расставил людей рядом с братом, он делал это не для слежки, а лишь потому, что беспокоился, не столкнётся ли тот с опасностью, которую не сможет преодолеть. Он никогда не приказывал следить за каждым шагом Сюй Яньцина.

Вопрос, который он задал, был слишком сложным, чтобы просто ответить на него. А Сюй Яньцин, теперь сытый и довольный, становился всё более сонным. Обсуждать всякие неприятности ему совершенно не хотелось, и он прямо сказал:

— Брат, не беспокойся, будто он может меня обмануть. Если бы он мне нравился, я бы мог закрыть глаза на его мелкие хитрости. Но если не нравится — его приёмы на меня не действуют.

Сюй Сянчжи не смог удержаться от смеха. Видимо, брат и вправду раскусил лицемерие Су Ханьфэна, раз говорит с такой уверенностью.

— Тогда будь осторожен. Как говорится, благородного человека легко охранять, а вот с мелочным не справиться. Такой лицемер, как Су Ханьфэн, может оказаться не так прост.

Сюй Сянчжи был обеспокоен за брата в сто, а то и в тысячу раз больше, чем обычно. Но что поделаешь — тот и не думал позволять вмешиваться в свои дела.

Сюй Яньцин прикрыл ладонью рот, подавив зевок. Его длинные ресницы от слёз, вызванных зевотой, стали влажными. Весна и без того располагает к дремоте, а с его ленивым нравом тем более. Он просто махнул рукой, выгоняя Сюй Сянчжи.

Сюй Сянчжи, не зная, то ли смеяться, то ли плакать, потрепал младшего брата по голове, словно маленького зверька, и, довольный, ушёл со двора.

Вернувшись в своё собственное крыло поместья маркиза Уаня, Сюй Сянчжи только успел войти во двор, как тут же увидел своего отца, похожего на живую гору.

Он невольно дёрнул уголком рта:

— Отец... а вы чего в моём дворе?

<http://bllate.org/book/12638/1120915>